

Я Е ЗНАЮ, дорогой читатель, есть ли у тебя альбом долгоиграющих пластинок с записями утесовских песен, выпущенный года два назад. Если есть, то ты наверняка тоже испытал щемящую сердце радость, когда закрутился черный диск, и можно было снова совсем рядом услышать этот голос — такой знакомый, немножко хриповатый, исполненный лиризма, доброты, юмора... Удивительное дело: благодаря сотням музыкаловедческих статей совершенно точно известно, что голоса у Утесова нет, и в то же время его голос знают в каждом населенном пункте нашего отечества. Поэтому что есть ли голос, нет ли его — главное, видимо, совсем не в этом. Главное — во всех утесовских песнях ощущение души. А для истинного успеха на эстраде, быть может, вовсе и не нужен классический голос (сколько мы знаем ныне отличных теноров и баритонов, которые лишь тенорами и баритонами — не больше! — и остаются), для истинного успеха необходим, видимо, феномен именно типа утесовского — сочетание музыкальности, артистизма, темперамента и колоссального желания, душевной потребности петь.

Ты, наверное, слышал, дорогой читатель, как «Марш веселых ребят» пытались после Утесова исполнять другие солисты — и одаренные и голосистые, поддерживаемые хорами и мощными оркестрами, а ведь ни у одного эта песня не получалась такой потрясающе жизнерадостной, исполненной не просто энергии, но энергии, вытекающей из мировоззрения и мироощущения. Рассказывают, что, когда один молодой, но уже весьма известный певец исполнил «Сердце, тебе не хочется покоя», вихляясь и дергаясь, рабочий сцены сказал ему строго: «Вы это не трогайте, это не для вас».

И вот теперь, снова и снова слушаю старые его песни, невольно ловишь себя на мысли: а ведь волнует! Еще как волнует! И «То не тучи, грозовые облака», и «Лунная рапсодия», и «Офицерский вальс», и «Дан приказ ему на запад»... Лирический герой Утесова переживает великие события в жизни народа и страны! как события своей собственной, личной жизни, поэтому даже в бодрый строй марша может вдруг ворваться неожиданно щемящая нота: «Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались, как нас обнимала-а-а-а гроза...». И уже в марше зазвучала высокая печаль, а песня обрела объемность и во-

времени и в том ненаучном измерении, которое называется душевностью искусства... А когда в сорок третьем Утесов пел про одессита-Мишку, про то, как, «уронив на землю розы, в знак возвращения своего, мальчишка не удержит слезы...» (а Одесса-то еще была в руках фашистов), люди вместе с артистом и впрямь ощущали в горле комок...

МНЕ ВЫПАЛО счастье не только бывать на его концертах, но и наблюдать за Леонидом Осиповичем во время репетиции оркестра, беседовать с артистом

мать, душевно желая всего лучшего в жизни и полного успеха на сцене — в чем не сомневаюсь!».

Фотографии Шалыпина, Мариан Андерсон, Зоценко... Все это связано с той порой, когда Утесов еще жил в Ленинграде. Помню, Леонид Осипович задумчиво откинулся в кресле: «Почему-то люди думают, что самый дорогой для меня город — Одесса. На самом деле — Ленинград. Одесса для меня колыбель в общечеловеческом смысле, там я родился, а Ленинград стал мне колыбелью творческой. Все, чего я достиг в

за моими выступлениями. Помню, например, как бурно обсуждался в прессе спектакль Свободного театра «Мендель Маранц», где я играл главного героя. Газета тогда стала за меня стеной. Но случилось, что и доставалось от нее. Самым активным рецензентом был Боря Бродянский. Активным и принципиальным: если я того заслуживал, он ругал, невзирая на дружбу... Да, со сменовцами моя судьба перепелась тесно — например, вместе с журналистом Марком Дубровым мы были избраны депутатами Ленсовета от Центрального городского района... Навсегда я сохранил признательность «Смене» и за то, что она поддержала первую программу моего ТЕА-джаза. У меня хранятся все рецензии за полвека...».

Я сидел в необъятном кресле и перебирал эти рецензии, с разрешения хозяйина читал письма, адресованные ему, которых тут, наверное, тысячи... Письма, полные такой доброй признательности и такой горячей любви, что начинаешь со всей отчетливостью осознавать истинный, глубинный смысл понятия, заключенного в двух словах — «народный артист».

И вдруг Утесов вздохнул: «Я записал на пластинки семьсот пятьдесят песен, а люди, случается, помнят из них далеко не самые лучшие...». В ответ на мои бурные возражения неожиданно предложил напеть что-нибудь из «Риголетто». Замышлись, вспоминаю кое-как арию герцога, и Леонид Осипович смеется: «Вот-вот, в опере столько восхитительных кусков, а вы вспоминали именно «Сердце красавицы склонно к измене...» — между прочим, далеко не шедевр, с примитивной мелодией и со слабой гармонией. Так и с песнями порой получается».

И ВОТ СЕГОДНЯ, дорогой Леонид Осипович, когда на моем проигрывателе вращается черный диск и такой знакомый, чутьчок хрипловатый голос снова и снова поет и про то, как «раскинулось море широко», и про Каховку, и про одессита-Мишку, — я хочу закончить тот диалог. Нет, дорогой наш артист, мы ничего не забыли, мы помним все ваши песни, сколько бы лет нынче вместе с вами им ни исполнялось. Мы помним эти песни — такие разные и в то же время такие схожие, потому что за каждой стоит ваша Личность. А это так важно — чтобы артист эстрады был еще и Личностью...

«Спасибо, сердце...» — пели вы с экрана. «Спасибо, сердце» — назвали свою новую книгу. И нам тоже хочется сказать вашему сердцу «спасибо» — и за то, что ему не хочется покоя, и за то, что оно умеет так любить...

Л. СИДОРОВСКИЙ

СПАСИБО.

Сегодня
Леониду
Осиповичу
Утесову —
80 лет

СЕРДЦЕ!...

у него дома. Рабочий кабинет Утесова доверху заполнен книгами и картинами. Здесь нет привычного для наших дней стандарта, когда что ни квартира, то импортный гарнитур и керамика. Тут иначе. Тут секретер, плотно забитый бумагами, вовсе не блещет новизной, не отличается современным лаконизмом форм, зато так и тянет поскорее податься к нему. И эти необыئاتные и удивительно уютные кресла, наверное, напоминают хозяину про старый одесский дом в Треугольном переулке. Здесь много фотографий с дарственными надписями — и какими! Вот, например, от Владимира Николаевича Давыдова, «дедушки русской сцены», одного из первых, кто получил звание народного артиста республики: «Многогалантливому, милому, крайне симпатичному и сердечно любимому артисту Леониду Осиповичу Утесову на добрую па-

жизни, связано с Ленинградом... Там я играл в оперетте, потом в Свободном театре и Театре сатиры, там родился ТЕА-джаз».

А ведь в конце двадцатых годов Леонид Осипович был тесно связан не только с нашим городом, но и с нашей газетой, на дверях его грифельной даже висела табличка: «Л. Утесов, нештатный корреспондент «Смены». Леонид Осипович вспоминает: «Я часто бывал на редакционных совещаниях, на «летучках», сам тоже выступал там, и не только с речами. Читал ребятам Багрицкого, Бабеля, Зощенко, Уткина... Между прочим, может быть, вы не знаете, что я первым на эстраде стал читать произведения советских авторов? В «Смене» печаталась моя автобиография, первый вариант того, что потом vyšло под названием «С песней по жизни».

Внимательно следила «Смена»